

Игорь Шестков "Вечная жизнь Зубова"

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗУБОВА

Зубова редко оставляли в покое. Отец-профессор отчитывал, что-то требовал, ученая мать цеплялась по пустякам в перерывах между слезами и лобызаниями, бабушка изводила заботами. Одноклассники дразнили Зубова. Учителя и пионервожатые наставляли. Водители автобусов и трамваев, официанты, банщики петяринской бани, капельдинеры в городском драмтеатре, работники прачечных, продавцы, дворники, проводники поездов дальнего следования, служащие военкомата и простые прохожие зудили, поучали, норовили уесть. Их окрики, одергивания, нотации составляли звуковой фон его жизни, в голове его ревело многоголосое эхо раздраженного мира.

– Зуб, а Зуб! Сними противогаз, сопли проглотишь!

– Дневник на стол! Опять тройка за устный счет! Уроки выучил? Ложись спать!

– Заходим только в переднюю дверь, товарищи! Проходи, мальчик! Что ты на проходе встал как пень?

– Сереженька, сними носочки. Постираю. И ножки помой – пахнут плохо!

– Ты что, оглох? Не положено чемоданы на полки класть! За потерянную плацкарту штраф три рубля. Без квитанциев!

– Какая у тебя походка неправильная, мальчик! Не качайся, попой не виляй. Поживей и полегче! Комсомолия!

– Тут вам театр, а не стадион. Прошу по сиденью не барабанить! И ногти не грызите, пожалуйста, молодой человек, тут вам не общественная уборная!

– Получите жетон! Ну что вы свои брюки в простыни суете, мы вам тоже кое-куда всунуть могём! Не видите что ль? Дробь «Б», номер 251, а вы куда жетон сунули? Рассеянный он... Проснитесь, наконец, гражданин!

– Ты что, не понял? Нет масла! И сыра нет! Сыр ему подавай! Ветчину еще бы попросил! Тут не Франция-ФРГ, а Петяринск. Двести грамм отдельной в руки! Образованный нашелся! Мы таких образованных...

– Ты, куда? Я тебя спрашиваю, ты ослеп? Ты же снег ногами наносишь, видишь

– подметено? Вали!

– Как в строю стоишь! Развалился как диван! Отставить! Равняйся, смирно! Это

тебе не баран чихнул! Тут призывная комиссия, а не ослиная конюшня!

– Пива нет! Ясно? Не завезли пива. Когда завезут? После дождичка в четверг!

– Вы медведь! Отдавили мне пальцы своими ножищами! Под ноги смотрите, а не на Титова с Терешковой!

...

Животный мир тоже не любил Зубова.

Его щипали утки и гуси, кололи иголками ежи, жалили пчелы, царапали кошки, кусали комары, собаки, слепни, шершни, клещи, кролики и волки. Защекотывали тараканы и муравьи. Майский жук истоптал Зубову грудь, а божья коровка влезла ему в ухо и там умерла.

Дачный любимец петушок Петя яростно клевал ему ноги, причем вероломно норовил попасть в пальцы около ногтей. Однажды Петя взлетел и отчаянно кудахча, ударил таки Зубова в лоб. Вызывали врача, а Петю отправили в суп. В зоопарке Зубова оплевал верблюд, а полчаса позже чуть не съел цирковой медведь Косолапый. Его бодали быки, коровы, овцы, козы, антилопы и яки. Дразнили обезьяны, попугаи и рыбки в аквариуме. До смерти испугал своим криком павлин. Известный своим добродушием и лояльностью к молодежи хряк Урожай в образцовом свинарнике павильона Украины на ВДНХ СССР в присутствии Зубова заговорил к удивлению публики на русском языке. Урожай прохрюкал: Ты чего же это парень, рубашку не постирал, не погладил, а галстук напялил. Ах ты, мочало!

Растительный мир и даже сама неживая природа тоже всячески выказывали Зубову свое нерасположение. Как иначе объяснить то, что он регулярно кололся иголками кактусов, шипами роз, резался осокой? К тому же страдал аллергией на цветы, березы, мухоморы и папоротники. Упал со скалы во время палаточного похода на озеро Увильды. Неизменно травился грибами.

У Зубова начинался понос от свежих ягод, яблок, груш и от жареной баранины. Его чуть не унес невиданный на Урале смерч. Два раза в него била молния, но промахнулась. Зубов тонул в болоте, проваливался под лед, заблудился в трех соснах, на него падали дожди из лягушек, ножей, вилок, а также листков из отрывного календаря первоклассника – «Володя Ульянов – твой дружок круглый год». Луна повернулась однажды ночью к Зубову таинственной

обратной стороной и смачно плюнула. Прославленная писателем Бажовым хозяйка Медной горы вышла специально из заброшенной шахты, чтобы показать Зубову, попробовавшему было мыть золотишко в вонючей речке Пиасе, две отвратительные малахитовые фиги. Последнее приключение к тому же чуть не стоило Зубову жизни. После нескольких недель недомогания он обратился к институтскому врачу и тот поставил диагноз – лучевая болезнь. Прописал йодистый калий, и сказал: Извините, молодой человек, но только идиот может в Пиасе руки мыть. В нем радионуклидов больше чем в таблице Менделеева. Если бы это были только одноклассники, капельдинеры, дворники, хряки и радионуклиды! Что Луна? Что хозяйка Медной горы? А воспитательницы детского сада, нянечки и медицинские сестры, дотошные педиатры, грубые зубные врачи, придирчивые доценты, назойливые старосты, тошнотворные комсорги, секретари, завлабы, сотрудники первого отдела, бухгалтерши и ответственные по гражданской обороне. Даже машинистка на факультетском бюро комсомола, проблядушка Зинкина, и та, полистав комсомольский билет Зубова, изрисованный его безмозглыми двоюродными сестрами, вздохнула и выговорила мрачно: Тут пахнет персональным делом!

Как хотелось Зубову расшвырять их всех, плюнуть в морду Луне, звездануть по моське Зинкину, послать весь брюзжащий и кусающийся мир к чертовой бабушке. Но на это у него не было мужества...

Зубову казалось, что он стоит на площади, на постаменте, как памятник Ленину, только не бронзовый, а нагой и беспомощный. А вокруг него – чудовища. Все, что он говорит или думает усиливается и разносится во все стороны невидимыми, но могучими динамиками, так, что его слышат все, вся огромная страна, весь мир. И все, что он делает, даже тайно, по ночам, видят в специальные дьявольские бинокли миллионы злых наблюдателей. И каждая его мысль, слово или действие вызывает во всем мире только смех, рев, хихиканье. И чем дольше он живет, тем больше чудовищ скапливается вокруг него.

Единственным ответом Зубова на все придирки, поучения и унижения от разнообразных двуногих, парнокопытных и беспозвоночных обитателей нашей планеты была чашечка крепкого, по-турецки сваренного кофе и сигарета. Раз десять в день, еще лучше – пятнадцать, а, если финансы и физиология позволяли

бы, день и ночь, без перерывов на работу или сон.

Пил Зубов кофе без вульгарного сахара и декадентских сливок. Только черный. В одиночестве.

Не торопясь глотал ароматную тропическую жидкость. И его жизнь опрокидывалась в волшебную чашечку. Вся жизнь, со всеми ее цветными бирюльками, асфальтовыми разочарованиями и небесными надеждами. Коричневый маг-кофеин прогонял назойливую нечисть, звенел тихонько алмазными бубенцами на золотых манжетах и уводил покорного Зубова с постылой советской площади в волшебную пустоту его внутреннего мира. Лицо Зубова выражало сосредоточенность и умиленность. Кофе дарил ему вечную жизнь.

...

Окончив в Петяринске десятилетку, поехал Зубов в Москву, поступать в инженерно-строительный. Сдал документы. Получил место в общежитии. Скоро первый экзамен – письменная математика. Зубов трясся. Боялся даже не экзамена, а того, как презрительно посмотрит на него экзаменатор, как тяжело вздохнет отец, как расплачется мать, как заохает бабушка, как захихикают двоюродные сестры, как втайне обрадуются друзья и знакомые. Как ехидно взглянет на него продавец авиабилетов в кассе на Ленинском проспекте. – Абитуриент с Урала? Обратный билет. Понятно. Петяринск? Сурово! Непонятно, зачем туда самолеты летают...

Зубов получил по письменной математике тройку. Это было не так уж плохо. Теперь надо было постараться получить четверку по устной. Но на устную Зубов не попал. Вечером принесли ему телеграмму. Бабушка умерла. Похороны послезавтра. У него отлегло от сердца – появился предлог на экзамен не идти. Да, да. Зубов мог бы ошестиниться, наплевать на похороны, остаться в Москве, поступить. И пошла бы вся его жизнь по-другому. Может быть, даже сошел бы со своего пьедестала и стал бы скучным доцентом или профессором. Но, увы, этого не произошло. Зубов уехал в Петяринск. Похоронил бабушку. Сдал экзамены в родной педагогический и остался жить в провинции. С родителями.

...

В 19... году Зубову разрешили на месяц поехать в Мюнхен – посетить живущего

там дядю и двоюродных братьев. Что случилось с ОВИРОМ, с КГБ, как «порвалась связь времен», по чьей вине произошла потеря бдительности? Просто так отпустить на Запад относительно еще молодого человека, не обремененного семьей? Не завербованного, политически неграмотного, маменькиного сынка. Без заложников? Ведь ясно же кузнечнику, что не вернется он из ослепительного Мюнхена в тяжелый индустриальный Петяринск! И тем не менее, свершилось! Зубова отпустили.

Провожали его родители, неизвестно откуда взявшиеся многочисленные родственники и друзья детства. Мать Зубова плакала и дулась – вот, так всегда, растили, растили, а он уезжает...

Отец хмурился, пытался мысленно оценить неизбежный удар по его репутации, планировал мнимое отречение от сына на парткоме, прикидывал последствия возможного отлучения от оборонных хоздоговоров и другие финансовые и кадровые потери. Сестры завидовали. Дальние родственники льстили Зубову, всучивали тяжеленные шкатулки из касимовского железа и аметистовые бусы для передачи знакомым, просили не забыть. Друзья предлагали выпить на посошок, мужчины терлись о бледные щеки Зубова своими мужественными щетинами, женщины делали глазки, ноздри их чувственно раздувались, а нежные груди случайно касались впалой груди отъезжающего. Зубов расслабился.

В самолете Петяринск-Москва стюардесса поставила его на место.

– Ну что вы так расселись, мужчина, пропустите инвалида... Сумочку уберите под сиденье, мешает. Чего, куда ноги? Ноги в карманы спрячьте! И пристегнитесь! Да не так, а вот так. Откуда такие мастодонты выползают?

...

Через месяц Зубов вернулся в Петяринск.

Этого не ожидал никто. Ни немецкие эмиграционные службы, с тоской подготовившиеся слушать занудные истории о притеснении технической интеллигенции в СССР, ни КГБ, ни друзья, ни родители, уже переоборудовавшие комнату сына в кабинет для отца.

– Ну что же ты, Сережа? – сказала мать недовольным тоном. – Почему ты вернулся, там же дядя Генрих, там же твои братья, помогли бы на первых парах.

Там же тебе весь мир открыт, а ты...

– Валенок ты и слюняй! – добавил отец. – Теперь тебе одна дорога – в аспирантуру. Будешь пахать. Ну что ты стоишь как столб? Помой посуду, мать полежать должна.

...

На Западе Зубову очень понравилось. Встретили его родственники отменно, показали ему город и окрестности, вывезли в Альпы, кормили на убой лучшими баварскими колбасами, поили пивом, прослышав о его особенной страсти, купили ему пять килограммов зернового кофе дорогих сортов и десять блоков американских сигарет, выделили отдельную комнату и установили в ней взятую на прокат дорогую эспрессо-машину. Подарили Зубову четыреста марок, двое джинсов, пять маек, элегантные вишневые ботинки, электронные часы с будильником, небольшой кассетный магнитофон. Снабдили его необходимой информацией о немецких эмиграционных правилах, дали адреса, купили автобусные билеты. Намекнули, что он может пожить у них месяца два, а потом должен будет снять квартиру или переселиться в специальный лагерь для переселенцев.

Почему Зубов не остался в Германии? Ответить на этот вопрос легче, чем понять, почему Россия осталась азиатской страной, не пожелав сделаться сестрой европейских народов. Для того, чтобы остаться, нужно было бегать, стараться, рисковать. А Зубов в начальной школе боялся даже в туалет попроситься на уроке, терпел, терпел и однажды позорно обкакался.

Внешние идеи не доходили в нем до двигательных центров.

Надо остаться в Германии – эта мысль сияла на его внутренней сцене как неоновая реклама. Порождала в его голове множество рефлексий, которые носились по темному пространству как летучие мыши. Они плодились, сбивались в стаи, путались, образовывали ком. Ком этот долго катался в голове Зубова. Оброс волосами, ракушками, полипами. И выкатывался вперед всякий раз, когда назойливый дядя Генрих спрашивал племянника: Ты был у нотариуса? Документы отдал? Что там тебе сказали? Почему ты не ищешь жилье и работу? Зубов отвечал невнятно.

Подолгу сидел один, пил кофе и курил. Съел гору сосисок и копченой колбасы.

Поправился. Никогда не выходил из дома без сопровождения...

Родственники все поняли и перестали мучить Зубова дней за десять до его отлета на родину. А когда он улетел, долго приводили в порядок кофейную машину и проветривали комнату.

...

Вернувшись в Петяринск, Зубов жил поначалу как акробат – его тянуло назад, в Мюнхен, хотелось настоящего немецкого пива, колбаски. Потом втянулся. Отец нашел для него непыльную должность, Зубов там что-то бесконечно программировал. Многолетний, невнятно сформулированный хоздоговор кормил не одного его, а еще десять бездельников, занятых написанием никому, кроме них самих не нужных технических диссертаций, знакомый шеф его не трогал.

Годы шли за годами, отличаясь друг от друга только цифрами после девятки. В центре огромной, обескровленной тоталитаризмом страны переваливший за тридцать пять Зубов ощущал иногда даже странную нежность существования. Легкое дыхание вечности...

Мир продолжал его кусать и учить, но уже не так зло, как прежде. Может быть, потому, что жизнь Зубова ощутимо шла к завершению. Зубов полысел, у него появилось брюшко, его мучили головные боли, у него трескались кончики пальцев, а иногда и сердце прихватывало. Зачем учить и кусать то, что само по себе скоро исчезнет?

Когда Зубову исполнилось тридцать восемь, он женился. На Маринке Ляминой. Только месяц как разведенной.

...

Познакомились они в институтской столовой. Из-за тесноты или по каким-то другим причинам поставила Маринка свой подносик на столик Зубова. Он доедал в это время картофельную зразу под грибным соусом. Гадал – начнется у него от этого соуса понос или нет. Вытягивал ноги и посматривал на свои, уже порядком изношенные, но еще живые, немецкие ботинки.

– Вы позволите? – мягко спросила Лямина.

В ее голосе ему послышалась усталая пресыщенность избалованной вниманием мужчин провинциальной дивы.

Зубов хотел ответить, но подавился, закашлялся. Проклятая зрза пошла не в то горло. Слезы выступили на его темных печальных глазах.

Маринку такое развитие событий вполне устраивало. Она присела, улыбнулась обворожительно, показав здоровые кукурузные зубы, разрешила котлетку, глотнула компота, склонила кокетливо свою блондинистую головку.

– Пожалуйста, буду рад... – пробормотал прокашлявшийся, покрасневший Зубов тогда, когда в его согласии уже никто не нуждался. Понял, застыдился и сделал вид, что его бешено интересует содержимое зразы.

– Вы Зубов, да? Михаила Алексеевича сын? Вы в Мюнхен ездили и вернулись?

– Был, был, в колыбели фашизма. И вернулся в родное Зауралье...

– Видели там дом Кандинского и... Как же ее зовут? Картинки такие красненькие и зелененькие рисовала.

– Мариэтта Шагинян?

– Ха-ха-ха! Нет, ну как же ее... Габриэль Мюнтер.

– Может быть и видел, не помню...

– Как я вам завидую! Всю жизнь мечтала побывать на Западе.

– Ну да... Запад – не в луже лапоть... А вас как зовут?

– Марина. А вы в Старую Пинакотеку ходили? «Страну лентяев» видели Брейгеля?

– Нет, я знаете, искусством... Не шибко интересуюсь. Вот на выставке автомобилей был.

– Ничего там не купили?

– Шутите? У отца жигуль. И то хорошо. Есть на чем на дачу ездить. Или за грибами...

– А у вас большая дача?

– Дом деревенский переоборудовали. На озере, недалеко от Новокрасноглазово... Хотите, съездим туда, если отец машину даст?

Сказав это, Зубов смутился.

Ни разу в жизни прямой напор на особу женского пола не приносил ему успеха.

Отвечали ему обычно или грубо или так жеманно, что всякая охота продолжать атаку проходила.

– С удовольствием. А о машине не беспокойтесь, я на колесах. У меня москвич.

Вот, возьмите записочку, тут мой телефон, позвоните вечером.

Затем твердо посмотрела Зубову в глаза и сказала особенным тоном: Вы хороший!

Допила компот, подняла поднос, поправила сумочку на плече и удалилась.

Зубову стало не по себе. Он почувствовал, что втюрился. И испугался.

Страх опустился в живот и поднялся оттуда тошнотой. Зубов побежал в институтский туалет и, едва успев закрыться в грязной кабинке с расписанными шариковой ручкой стенами, выbleвал весь свой обед в унитаз. И соус и салат и сразу.

Когда блевал, читал надпись прямо над толчком: Ищу пизду поуже и хуй потолще! Исполнение тайных желаний! Приходите к Вовику в общагу. Комната номер 359. Ебись конем, пионерия.

...

Страх?

Да, страх. Тут придется, хотя это и неприятно, раскрыть один секрет. Несмотря на свои зрелые годы, Зубов был... Как бы получше выразиться? С женщиной он еще ни разу не спал.

Онанировал, да. Упорно. Порнографию любил, даже ездил специально в Крым, чтобы в поезде у Ростова купить у глухонемых продавцов единственные доступные простому советскому человеку эротические фотки – черно-белые игральные карты с дамочками, переснятые зенитами и сменами из датских журнальчиков. А с живыми женщинами все как-то срывалось, не получалось. Зубов боялся того, что не получится, и его осмеют, изругают, будут поучать. Последнюю попытку заполучить в постель женщину он сделал три года назад. Подкатился к Семушкиной, полноватой сотруднице его лаборатории, разведенке. И цветы дарил целый месяц и родителей уговорил уехать на дачу. Купил вина. И затушил утку. С черносливом.

Семушкина поела утки, после двух бокалов красного разругалась. Болтала, не переставая. Пересказала все факультетские сплетни. Зубов узнал о том, что Пятаков давно живет с Пятницкой. А Пятницкая три года спала с профессором Огорченным. Что Огорченный – тайный враг их шефа и известный стукач. Что шеф, называющий себя крымчаком, на самом деле еврей, что премии,

присылаемые на весь коллектив, он выписывает самому себе и своей конкубинке Гнедой, что эта Гнедая, старший научный сотрудник их лаборатории, в прошлом носила фамилию Курчавая – дочь высланных из западной Украины националистов, хохлушка и жадина, сына запустила, а старую мать сдала в дом для престарелых. Что мать ее лежит на кровати голая и голодная, что ни дочь ни внуки к ней не ходят...

Зубов попытался сделать шаг к сближению. Взял Семушкину за плечи, заглянул ей в глаза и сказал: Лидия, я давно мечтаю о вас, пойдете в соседнюю комнату. Там постель.

– Постель? – проговорила Семушкина. – Сережа, мы же оба члены партии, а не животные!

Отложила недоеденную утку ногу, вытерла пухлые розовые губки салфеткой, решительно встала и ушла в прихожую. У Зубова оцепенели конечности. Он слышал, как хлопнула входная дверь.

– Почему, почему? – спрашивал он сам себя, покачиваясь на своем пьедестале.

...

Вечером Зубов позвонил.

– Алло, Марина? Это я.

Лямина решила его поддразнить, чтобы ненароком с крючка не сошел.

– Это вы, Винтергартен? Я очень рада вас слышать.

Винтергартен был институтский бабник, три раза разведенный доцент с кафедры сопромата. Сорокапятилетний высокий красавец. Умница и не лысый. Зубов вздохнул.

– Это Зубов.

– Ах, простите, Сережа, перепутала.

– Ну что, поедем в субботу?

– Мы можем и завтра, прямо после работы, в пять. Хотите?

– Я думал, сначала надо убраться... Протопить. Там с лета никого не было.

Пылища наверно и холодрыга.

– Давайте завтра вместе и уберемся и протопим. Буду вас в пять пятнадцать у колоннады ждать, главное, дорогу не забудьте и ключи от дачи.

– Марина, а вы хорошая?

– Я самая лучшая.

...

Вела машину Лямина. Зубов сидел рядом и не знал, что сказать. Ёрзал. Вздыхал.

– Я слышала у вас с Семушкиной что-то было! Ну и что, как она в постели?

Зубов замялся. Знает или не знает? Кокетничает или заманивает в ловушку?

Брякнешь что, не подумавши, поймает и осмеёт. Задумаешься, подумает – тупица! О господи!

Выложил все. Про утку. Про постель.

Марина рассмеялась. Мягко, чтобы невзначай не обидеть.

– Я не знала, что Семушкина такая дура. Приперлась, утку жрала, сплетничала, а потом про партийный билет вспомнила. А партия тут совсем не при чем. Тут область интимная...

– Она на наших отдельных партсобраниях самая активная. Я думал, она не только на собраниях, но и в...

– В постели такая? Хорошо вы об этой гусыне думаете...

– Простите, не хочу, чтобы вы решили, что я – пошляк.

– Вы не пошляк, Сережа, я вас понимаю. Вы мужчина одинокий, захотели любви, нежности, устроили все как могли, а вас не поняли и обидели.

– Вы слишком ко мне снисходительны, Марина. Ведь я ее не любил. Только близости хотел. А вас люблю... Простите...

...

Лямина затормозила, съехала на обочину. Отстегнула ремень безопасности, сама, по-мужски обняла трясущегося Зубова и поцеловала в губы.

На даче они не убирались и не топили. Разделись и в родительскую застеленную кровать прыгнули. Наступил час зубовского торжества. Лямина сделала все, чтобы Зубов получил свое счастье. Осторожно ввела его в мир секса, не спеша раскручивая маховик страсти. Даже ему в угоду изобразила два раза бурный оргазм.

Через три дня Зубов перебрался в квартиру Ляминой. А расписались они через два месяца, в первую вакансию. Свадьбы не устраивали, хотя родители Зубова и хотели организовать все чин по чину, в ресторане Урал, с подвозом на чайке и белыми бантиками. Но невеста так активно протестовала, что смирились,

ограничились маленьким ужином у Зубовых. Папа Зубов купил на базаре свежий свиной окорок. И зажарил его огромными кусками дома на сковороде.

...

Профессор Зубов слышал сплетни о Ляминой, ходившие по институту, но пытался убедить себя в том, что все это обычные институтские враки. Папа Зубов достиг уже того возраста, когда правда о жизни, о людях и о себе уже не влечет и не пугает, а только раздражает. Постаревший профессор не заблуждался и не обманывал себя, он хорошо знал цену собственному сыну, по-своему понимал и Лямину и хотел только одного – чтобы его оставили в покое. Ну и еще, чтобы свинина хорошо зажарилась.

Мать Зубова плакала, поглядывала на невесту критически и восклицала – Мариночка! Мариночка! Она мечтала найти для сына застенчивую девушку-аспирантку, девственницу из ученой фамилии, но смирилась с неизбежным и пыталась разглядеть в Ляминой что-нибудь хорошее. Не может же моему сыну понравиться последняя дрянь, спрашивала неглупая мадам Зубова сама себя. И с ужасом отвечала – да, увы, может.

Двоюродные сестры Зубова невзлюбили Лямину сразу и навсегда. Они сразу распознали в ней существо, далеко их превосходящее по хитрости и способности к мимикрии.

Свадебный вечер прошел без особых происшествий. Гости дружно жевали жареную свинину. Пили холодную водку. Закусывали роскошным салатом из помидоров и огурцов. К чаю подали пироги с медом и орехами.

Невеста благоразумно молчала. А подвыпивший жених вступил в спор с гостившим в это время у Зубовых геологом Тихоновым, только что вернувшимся из Афганистана. Когда отзвучали дежурные тосты, Тихонов заговорил о наболевшем.

Осторожный Зубов-отец попытался остановить гостя. Не вышло. Не выдержал, ушел от греха в кухню, сварил себе кофе и начал пить, посасывая по детской привычке маленький кусочек колотого сахара. А в это время в столовой за праздничным столом не на шутку разгорелись страсти.

Тихонов сорвал в споре голос и хрипел.

– Понимаешь, я сам видел, сам. Я тюрьму эту проектировать помогал, шурфы

бурил даже. Прямо на базе. В восьмидесятом. Сотни камер. Все под землей. И во всех – люди! Понимаешь, люди! В кровище, в блевотине! Руки всем за спиной связали проволокой. На глаза повязки надели. Камеры закрыли и двери забетонировали. А в вентиляционные отверстия гранаты побросали. Человек восемьсот там осталось. Только в одной северной тюрьме! Как представляю, плохо становится. А вдруг они до сих пор не умерли там, копошатся, воду ищут, помощь ждут?

– А командующие знают?

– Они приказ и отдали – всех там заморить.

– А тебе наших бойцов не жалко? Им там головы отрезают, кастрируют, вспарывают им животы...

– Это чужая земля, мы туда сами поперли с танками и артиллерией!

– По твоему – наше руководство что, ослы и убийцы?

– Да, Сереженька, не хочу тебе праздник омрачать, но наша партия и правительство – ослы и убийцы! Понимаешь, надо что-то делать! Мы же не фашисты!

– Так ты же тоже в партии, Гена, и я...

...

В комнату вошел Зубов-старший и попытался погасить костер.

– Ладно, Гена, завтра подумаем, что делать. Сам понимаешь, нам не вся информация доступна. Там, наверху, больше нашего понимают. Горько, горько все это... Надо подсластить! Горько! Горько!

Зубов и Маринка встали и поцеловались. Маринка так театрально изображала страсть, что всем стало неловко.

Гена уронил голову на руки. Мадам Зубова гладила его по голове и приговаривала: Ничего, ничего, Генаша, ты об этом обо всем не думай. Будешь много думать – в тюрьму попадешь!

Тихонов поднял голову и просипел: Вот! Вы единственная правду сказали.

Будешь думать – в тюрьму. Кляп в рот, повязку на глаза. Будешь болтать – донесут, посадят, попробуешь что-нибудь сделать – убьют без суда. Ты зачем, Серега, сюда вернулся? Пулю в затылок захотел?!

– А ты зачем в Афганистан поехал, если ты войну несправедливой считаешь?

За... Длинным рублем покатыл? Шурфы бурил, думаешь мы не знаем... Нефть искал и золото. Чтобы качать и продавать Западу за валюту. А афганцам шиш. И не нашел ни черта. За это тебя оттуда и выперли. Ты и тюрьму сам построил. Чего теперь рыдать? Сами строят тюрьмы, а потом партия и правительство виноваты. Все время кто-то другой виноват. Ты еще скажи, моя вина... Ты еще поучи. Ты укусить хочешь. Потому что ты барсук. Жили под лавочкой бар-су-ки!!!

...

Пьяный Зубов был мало похож на Зубова трезвого. Зная это, он не пил – боялся самого себя. Опасался того, что его собственное «я», освобожденное от страха, присоединится к чудовищам вокруг пьедестала. Боялся раздвоения личности. После свадьбы молодые уехали отдыхать в Друскеники.

Купались там в прохладных озерах, гуляли по лесу. Пили невкусную минеральную воду. Каждый вечер ходили в кафе, ели литовские сосиски. Через три недели вернулись в Петяринск.

И тут Зубов нарвался на первую неприятность. Оказалось, все время, что они были в Литве, в маринкиной квартире жил Винтергартен. Спал на новой софе, купленной родителями Зубова. Пил зубовский кофе. На недоуменные вопросы мужа Маринка ответила почти дерзко, хотя и логично.

– Ну что же поделаться, где-то ему надо жить! У него семейная драма, жена грозит самоубийством... А моя квартира стояла пустая. Потерпи, он через неделю уедет. Он даже не друг, так, знакомый, но он все-таки человек, а не собака, на улицу не выгонишь. Я надеюсь, ты не ревнуешь? Это было бы ужасно, я из-за этого уже два раза разводилась!

...

Тут Лямина немного прилгнула для красоты, первый раз она развелась из-за того, что изменила мужу сразу после свадьбы, но еще до первой брачной ночи, второй муж застучал ее голый в постели с собственным отцом. И терпел это целый год. Но потом не выдержал, устроил дикую сцену в библиотеке и сошел с ума. Знал об этом весь Петяринск. Только Зубов ничего не знал...

– Мариночка, но у нас только одна комната...

– Он будет спать на кухне, на надувном матрасе.

...

В первый же вечер с Винтергартеном Зубов затосковал.

Винтергартен рассказывал литературные анекдоты, декламировал садистские частушки. Дедушка в поле нашел ананас. Не догадался, что это фугас...

Лямина застенчиво хихикала. Говорила: Как это все забавно!

С Зубовым Винтергартен был корректен, к сближению не стремился, в друзья не набивался. С Маринкой не уединялся, не шептался, не подмигивал. С самого начала объявил, что сожалеет, все понимает и через неделю исчезнет. В десятом часу ушел на кухню, лег на свой матрас с книгой.

...

Зубов страдал.

Мечтал о чашечке кофе в одиночестве на кухне.

Когда все спят. Спит Урал. Тихо дышит раскинувшаяся прямо за порогом их дома великанша Сибирь. А он тихонько пьет кофе и наслаждается доступной только ему вечной жизнью...

В полусне он видел, как его жена встала и на цыпочках пошла в кухню. Все существо Зубова пыталось проснуться, встать, посмотреть, что они делают там, на надувном матрасе, но как назло, сон охватил его со всех сторон как ураганный ветер и погнал по странным полутемным медовым дорогам к высокой стеклянной горе. Вознес Зубова на гору и бросил вниз. И упал он в пропасть и потерял себя в ее темной сырой глубине. Когда Зубов проснулся, в квартире никого не было – Винтергартен убежал рассказывать студентам о построении эпюр крутящих моментов, а Маринка поехала к себе в библиотеку. Зубов тосковал всю неделю, а когда Винтергартен, наконец, исчез, затосковала Маринка.

Почему? Ведь она всего добилась, и мужа заполучила и любовника сохранила. В перспективе – совместная поездка с мужем в Германию, где она, конечно, не будет искать дом Кандинского, а сразу отправится в полицию. Не зря же она английский и немецкий уже пять лет добровольно на платных курсах учит.

Восхищенные ее новым финтом дебелие библиотечные дамы закусили губы, в их взглядах, ревниво оценивающих ее дорогую, купленную свекровью лисью шубку, опять появились пьянящие Маринку сполохи зависти, восхищения.

Расчет Маринки был хорош. Но...

Но, как и все хорошие расчеты, имел небольшой изъян. С мужем приходилось спать в одной постели. И изображать страсть. А она и запаха Зубова не переносила. Страдала из-за его храпа. И любовника надо было лелеять, потому что без Винтергартена жизнь Маринки становилась скучной как тумбочка в больнице.

Зубов не понимал, почему его жена молчит после ужина, молчит за кофе, за телевизором. А она молчала, чтобы не взорваться, не испортить все. На давно опостылевшие научные и политические разговоры у нее просто не хватало терпения.

Как обдурить мужа и убежать к любовнику? Когда? Завтра? Или послезавтра? Или прямо сейчас?

...

Через три месяца после свадьбы она так и поступила. Изобразила легкую истерику, собралась и ушла. В десять часов вечера.

Зубов растерялся. В голову ему приходило все что угодно, кроме правды. Он звонил маринкиной маме, старой стерве, ненавидящей дочь и вместе с ней весь мир. Тревожил ее подружек, которые отвечали ему как-то странно. Зубов ломал голову, фантазировал.

Жена должна кому-то деньги, не может отдать, ее шантажируют, возможно, она отдается сейчас шантажисту. Плачет от боли и бессилия. Мужу сказать боится. Или – Марина помогает брошенным детям. Приносит им еду. На нее нападают хулиганы. Бьют и насилуют...

Воспаленная фантазия Зубова заносила его далеко, в космос. Марину зомбировали злобные пришельцы. Они отдают ей телепатический приказ, она не в силах противостоять. Встает и уходит. Идет в парк. Там ждет ее летающая тарелка. Марину уносят на планету Плутон и там проделывают над ней зловещие опыты...

А между тем правда стояла, горькая и слегка присыпанная осенними листьями возле самого подъезда их одиннадцатизэтажного блочного дома. Жигули Винтергартена и не думали прятаться. Изнасилованная пришельцами Маринка села на переднее сиденье рядом с шофером, поцеловала его в ухо и они уехали.

Для того, чтобы увидеть правду, надо было только встать и посмотреть в окно. Но Зубов уже говорил по телефону с одной из маринкиных подружек. А потом пил кофе. Когда Лямина возвратилась, допивал десятую чашечку и докуривал новую пачку столичных. Жена приняла душ и легла в постель. На вопросы мужа не отвечала. Утром Зубов решил было показать характер, но, Марина вынула левую грудь из ночной рубашки и чиркнула соском ему по подбородку. Он все забыл и набросился на нее как тигр, а она, закрыв глаза, представила себе, что ее ласкает Винтергартен.

...

С тех пор в семье Зубовых появилась странная традиция – жена уходила из дома, не сказав мужу куда, а он не допытывался, не выслеживал, сцен не устраивал, телефон не обрывал, только пил свой кофе, курил и погружался в нирвану.

И волки целы и овцы сыты. Хорошо?

Нет. Маринку и такая жизнь приводила в отчаянье. Почему?

Угасали ее специальные надежды. Сколько она ни уговаривала Зубова попросить мать поговорить с Генрихом о приглашении – воз был и поныне там. Зубов явно не хотел никуда ехать. И тем более становиться невозвращенцем, бороться, пробиваться. А на родине не хотел защищать диссертацию, делать карьеру. Не хотел ездить летом на дачу, не хотел купаться в озере... Отказался поехать в трехнедельный тур Ленинград-Минск. Не ревновал. Не пил. Не спорил. Был скромн в быту. Нуждался только в кофе и сигаретах. Которые привозил из командировок его отец. А тут еще Винтергартен всерьез засел за докторскую и даже иногда просил Маринку, чтобы она ему не мешала.

Маринке казалось, что она не живет, а бьется в клетке, в которую ее посадил Зубов. Посадил своей любовью, верностью, заботой. Ощущение это стало через несколько лет проявляться у нее как болезненный невроз. Маринка чувствовала – еще немного и она сорвется. Пришлось идти к знакомому психиатру. Психиатр посоветовал ей сменить мужа или любовника или работу или по крайней мере, страну проживания.

Надо было что-то предпринять, сейчас же, и без сантиментов.

В горячей ее голове созрел отчаянный план.

– Сегодня же! Сегодня же возьмем быка за рога! – повторяла она сама себе,

нервно листая за своим рабочим столом восьмисот страничный каталог гостей. Отложила каталог в сторону. Позвонила в Ригу своей старинной подружке Инге. Проговорила с ней двадцать три минуты. Затем собрала личные вещи и решительно направилась в отдел кадров. А оттуда на рабочее место не вернулась, а, купив по дороге бутылку коньку, пошла к председателю жилищного кооператива Калюжному.

...

Через несколько дней ни о чем не подозревающий Зубов пришел домой как обычно, около семи. Сразу заметил несколько стоящих в коридоре чемоданов и чужое пальто с барашковым воротником на вешалке.

– Почему чемоданы собраны? И этому... Что опять тут надо? – спрашивал себя Зубов.

– Зачем на сей раз притащился? Новыми анекдотами про Пушкина и Толстого хочет нас попотчевать или опять с кем-нибудь поссорился и ему жить негде? Заглянул на кухню.

Винтергартен расселся в его любимом бабушкином плетеном кресле. А Маринка сидела у него на коленях. Они целовались.

Зубов растерялся. Покашлял. Они сделали вид, что его не замечают. Зубов рассвирепел как Отелло и, схватив Маринку под руки, вырвал ее из рук любовника и поволок в спальню. Там бросил ее на софу. Маринка с софы тотчас вскочила и кинулась на него, рыча, как львица. А сзади его обхватил Винтергартен. Зубов не долго боролся, ослабел. Потому что понял, что его собственная жена устроила ему ловушку в их доме. В заговоре с любовником. Стерва.

Маринка и Винтергартен Зубова связали, в рот ему засунули кухонное полотенце. Обкрутили дополнительно бельевыми веревками. Винтергартен, в прошлом моряк тихоокеанского флота, завязал их морскими узлами. После этого они привязали Зубова к огромному старинному буфету, стоящему у стены напротив софы.

Затем любовники разделись и совокупились перед глазами Зубова. Потом встали, подошли к связанному и стали плевать в него и ругаться.

Перебрасывались бранными словами, как игроки в теннис мячиком. Откровенно

наслаждались похабной забавой...

– Мне кажется, Мариночка, что твой муж, не только лузер, но еще хуесос и педрила. Может, развальцевать ему жопу?

– Нет, милый, он только дрочила. До тридцати восьми лет дрочил как вертолет. Пушкин в этом возрасте уже умер. У нас в Эсэсэрии чтобы пидарасом стать, тоже нужно мужество иметь, а у этого вафлегрыза, кроме эгоизма, ничего нет. Ни в душе, ни в штанах... Ничтожество. Выпердыш куриный!

– Свиное рыло!

– Кот зассатый!

– Еблан и феерический мудак!

– Нет, мудак парнокопытного секса!

– Скорее, беспозвоночного дрочения!

– Жертва аборта от козлов!

– Гнойная пиздота!

– Ебать его в копченый глаз!

...

Зубов пытался не обращать внимание на плевки и не слушать брань. Закрыв глаза. Заметив это, Маринка засунула свою когтистую лапу ему в штаны и больно дернула. После этого недобро на него глянула и прошипела: Еще раз закроешь глаза, – оторву тебе пипиську!

Глаза Зубов больше не закрывал.

Исчерпав запас ругательств, Маринка и ее любовник оделись, забрали чемоданы и ушли.

Заплеванный с ног до головы Зубов долго дергался и корчился, ломая ногти о проклятые морские узлы, прежде чем смог освободиться.

...

На кухне нашел записку.

– Сережа, не сердись, я не могу больше жить с тобой.

Не знала, как убедить тебя прекратить это мучение. Решила показать тебе, какая я на самом деле, и сказать в лицо все, что о тебе думаю. Мой поступок непростителен, но ты увидел и услышал правду, которую обычно скрывают и тянут, тянут...

Из квартиры я выписалась. Перевези ... вещи ... отдай ключи Калюжному ...
Начинаю новую жизнь. На развод я не подала, ты это сделаешь сам, а я пришлю тебе заверенное у нотариуса согласие... Не ищи меня. Я покидаю проклятый Петяринск.

...

Зубов прочитал, вздохнул и поставил кипятиться воду. Закурил.
Не спеша, по наперсточку, выпил три чашечки кофе. Знакомое теплое чувство вытеснило постепенно позор и стыд. В голове зажглась зеленоватая звезда. Ему казалось, что пахнувшая флоксами нежность мира просачивается через его пальцы и льется как нектар на кухонный линолеум. Земные дела его не волновали. Зубов глубоко затягивался, смотрел в себя и видел бесконечный океан и розоватое небо над ним. Ощущал приливающие к горлу волны вечной жизни. Он сидел на троне на берегу океана. Луна улыбалась ему своей светлой стороной. Звери и растенья пришли ему поклониться и попросить благословения. Из океаны выплыли рыбы и гады и умиленно смотрели на него своими оранжевыми глазами. Солнце и звезды вытянулись жемчужным ожерельем и легли, сверкая, на его синюю грудь. Со всех концов вселенной слетелись ангелы, чтобы целовать его желтые щеки...

...

– Ну и мудака! – сказала вернувшаяся за забытой лисьей шубкой Маринка, увидев в кухне разомлевшего мужа, пустившего слюни на подбородок.

– Ну и мудака! – повторила она, покачала головой, плюнула ему под ноги, и вышла из квартиры громко хлопнув дверью.